

В. С. Глаголев⁷

«ЭКОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ» — БАЗОВОЕ УСЛОВИЕ СВОЕВРЕМЕННЫХ ПРОГНОЗОВ И ПРЕОДОЛЕНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ РИСКОВ

К настоящему времени глобализационные и интеграционные процессы, разворачивающиеся в жизни человечества начиная, по крайней мере, со времен промышленной революции, создали многоплановую и многоуровневую сеть взаимозависимостей культурных сообществ, населяющих Землю⁸. Благодаря суще-

ствованию таких взаимозависимостей и возможностей взаимной поддержки человечество стремится взять под контроль целый ряд «напастей»: голод, болезни, социальное неравенство. Достаточно напомнить об экономическом и социальном возрождении побежденных Германии и Японии, перепаханной войсковыми передвижениями с севера на юг и с юга на север Южной Кореи и других подобных явлениях. Однако потери производственных, транспортных и бытовых инфраструктур залечиваются гораздо быстрее, чем утихает в сердцах людей память о погубленных жизнях в результате мировых и гражданских войн, а также многочисленных локальных конфликтов, вспыхивающих в разных зонах земного шара. Неизбывна память об убитых и искалеченных, поломанных судьбах оставшихся в живых. Трагические последствия конфликтов для конкретных личностей, семей и этносов создают особые невидимые шрамы в душах народов и на длительное время определяют устойчивое недоверие, презрение и ненависть к недавним завоевателям и историческим врагам.

Достижения цивилизации и ее кризисы, в конечном счете, — результат деятельности людей, в которой причудливым образом сочетаются глубокие знания и устойчивые суеверия, неиссякаемые силы любви и все время от времени выжигающая ненависть, последовательность поведения и абсурдность действий. При этом гармонизация взаимодействия биологическо-

хачевские науч. чтения, 14–15 мая 2015 г. СПб. : СПбГУП, 2015. С. 302–305 ; *Она же*. Реструктуризация и демаркация коллективных идентичностей в условиях глобализации: будущее национально-культурной идентичности // Вопросы социальной теории : науч. альм. М., 2010. Т. IV. С. 255–281.

⁷ Профессор кафедры философии МГИМО (Университет) МИД РФ, доктор философских наук. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч.: «Герметичность религии как проблема социологического исследования», «Религия караимов», «Религиозно-идеалистическая культурология: идейные тупики», «Практическая психология для дипломатов», «Реализм анализа — исходное условие научной перспективности», «Ценность личности и ее творческий потенциал», «Межкультурная коммуникация в условиях глобализации» (в соавт.), «Cooperation of technologic and scientific knowledge in development of european culture» и др. Член Российского философского общества.

⁸ *Лихачев Д. С.* Экология культуры // Заметки о русском. М. : Сов. Россия, 1984. С. 484 ; *Астафьева О. Н.* Межкультурные коммуникации и коллективная идентичность: новые акценты в культурной политике национальных государств // Современные глобальные вызовы и национальные интересы : XV Междунар. Ли-

го начала с началом социально-организующим и целеполагающим является постоянным вектором, обеспечивающим не только выживание человечества, но и его развитие. Таким образом культура с первых шагов окружает человека и определяет суть его действий, работает как механизм социализации¹.

Традиционные механизмы и способы социализации, как известно, совмещают в себе установочный консерватизм и неизбежную латентную модернизацию². Локально складывавшиеся большие группы вступают во взаимодействие друг с другом, и судьбы этих новаций первоначально неопределенны. Возможно поглощение «других» сородичами и соплеменниками. Но более перспективно, как правило, объединение на той или иной основе. Интеграционные импульсы идут путем отбора удачных опытов и превращения их в определенные шаблоны поведения. Напротив, безудержно агрессивные импульсы нецелесообразны и в конечном счете утрачивают статус преобладающей «естественной реакции». Как следствие, создается особая «культуренная» агрессивность. Ее инструментами являются военные силы и средства, разведка местоположения и намерений возможных противников, дипломатия, разнообразные хитрости, в которых обман призван усыпить возникающее недоверие.

Во всех древних культурах известен набор подобных приемов, с помощью которых устанавливается контроль над идиосинкразией к «чужим» и канализируются проявления агрессивности — до той поры, пока не заговорят барабаны, мобилизующие соплеменников к открытым военным действиям. Хитрость, конечно, позволяет обойтись и без объявления войны, удесятерив тем самым волю к сопротивлению тех, кто стал жертвой неспровоцированной агрессии. Отчаяние выживших становится памятной вехой их дальнейшей жизни, а память об агрессии передается от поколения к поколению.

Хотя для традиционных обществ походы на соседей являются привычным занятием, многочисленные случаи их неудач и параллельно выполнение достигнутых договоренностей о разделе территорий и жизненных благ на них (пастбища, водопой, зоны охоты и т. д.) создают предпосылки устойчивого взаимодействия племен, в ходе которого выкристаллизовываются народности со своими особенностями языка, сферами занятости, особенностями производства специализированных орудий в локальных природных условиях, устойчивым обменом произведенной продукции и т. д.

Определенный диссонанс в ситуацию мирного сосуществования вносит появление «пришельцев». Как

правило, это большие группы кочевых объединений или племен, по тем или иным причинам вытесненных с территорий своего обитания. Их появление обычно влечет за собой конфликты, заканчивающиеся либо поражением «пришельцев», либо утверждением их на новых территориях. Культурные границы вновь образованных сообществ могут носить либо закрытый, либо открытый характер. Подобные примеры хорошо иллюстрируют мысль Д. С. Лихачева о «двух типах границ» между культурами³.

Хотя для развивающихся цивилизаций подобная архаика организации общественной жизни является, казалось бы, анахронизмом, многочисленные исторические опыты подпитывают стереотипы⁴ неприятия соседей благодаря функционированию механизмов злопамятности, активируя «живую архаику» как способ социализации в периоды кризисов и радикальных трансформаций⁵.

Классической иллюстрацией «болевого» исторической памяти могут служить среднестатистические стереотипы испанца по отношению к португальцу, равно как и португальца по отношению к испанцу. А исходная причина восходит к последним двум десятилетиям XVI столетия, когда пустовавший трон португальского короля был занят испанским королем Филиппом II, что определило 60-летний период до 1640 года: принудительный характер власти испанской короны над португальским населением западной части Иберийского полуострова оставил неизгладимый след в национальном характере и стереотипах взаимного восприятия обеих культур.

В свою очередь, для России периода Московского государства и империи «давний спор славян между со-

³ Лихачев Д. С. Два типа границ между культурами // Очерки по философии художественного творчества. СПб. : Блиц, 1999. С. 103–108. Ср.: Глаголев В. С. Религиозно-этническое наполнение образов «свой» и «чужой» в динамике политической конъюнктуры // Диалог культур и партнерство цивилизаций : XIV Междунар. Лихачевские науч. чтения, 15–20 мая 2014 г. СПб. : СПбГУП, 2014. С. 362–365 ; Силантьева М. В. Проблема «культурных границ» в современном мире: ценностный аспект // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2 (35). С. 235–239.

⁴ Левицкий А. Э. Коммуникативные стереотипы в межкультурной коммуникации // Учен. зап. Таврического национального ун-та им. В. И. Вернадского. Сер. «Филология. Социальные коммуникации». 2011. Т. 24, № 63. С. 130–134 ; Силантьева М. В. Методология изучения реконструкции коммуникативного стереотипа в условиях непрямого диалога культур // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2013. Т. 2, № 2 (3). С. 4–8.

⁵ Ламажаа Ч. К., Абдулаева М. Ш. Архаизация и неотрадиционализм: российские региональные формы // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 3. С. 68–80 ; Глаголев В. С., Силантьева М. В. Религиозно-культурное пространство европейской России: факторы динамики традиции и традиции динамики // Известия Иркутского гос. ун-та. Сер. «Политология. Религиоведение». 2010. № 2. С. 131–140 ; Силантьева М. В. Неотрадиционализм в зеркале современной культуры: религиозный синкретизм как проявление единства чувственного и рационального познания // Точки — PUNCTA. 2012. № 1–4. С. 371–380 ; Она же. Декомпрессия ценностей в современной культуре // Фундаментальные проблемы культурологии : в 4 т. / отв. ред. Д. Л. Спивак. СПб., 2008. С. 214–228 ; Она же. Национально-культурный миф в условиях современного трансцензуса: философский анализ // Гуманитарный вектор. Сер. «Философия, культурология». 2016. Т. 11, № 2. С. 72–80 ; Глаголев В. С. Евразийское измерение России: внешнеполитические и социокультурные задачи // Цивилизационная миссия России : XI Панаринские чтения : сб. ст. / отв. ред. В. Н. Распоргуев. Пушкино, 2014. С. 128–133.

¹ Бурдые П. Идентичность и репрезентация: элементы критической рефлексии идеи «региона» // Ab Imperio. 2002. № 3. С. 45–60 ; Балли Н. Л. Социальная идентичность: теоретико-методологические основания социологического анализа // Социологический альманах. 2013. № 4. С. 214–220 ; Силантьева М. В. Диффузная идентичность — современная версия гражданской идентичности // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 2. С. 173–179.

² Шестопал А. В., Силантьева М. В. Межкультурная коммуникация в свете современных модернизационных процессов // Межкультурная коммуникация: современная теория и практика : материалы VII Конвента РАМИ : науч. изд. / под ред. А. В. Шестопала, М. В. Силантьевой ; отв. ред. А. В. Мальгин. М., 2013. С. 10–16.

бою» (А. С. Пушкин) — с Речью Посполитой и ее духовными наследниками — не закончен и по сию пору. Как не изжита среди китайского населения память о жестокостях японского хозяйничания на территориях Поднебесной, так у японцев образ «божественного ветра» («Камикадзе») навечно связан с катастрофой китайской Великой армады, погубленной тайфуном при ее приближении к Японским островам.

И в наше время обостренная историческая память продолжает передаваться по цепочке поколений. Насильственные способы ее «стерилизации» усилиями очередных волн государственно-политической пропаганды дают в лучшем случае утрату окончательного доверия к последней. И как результат — полную невосприимчивость к ее усилиям, что с государственной точки зрения называется русской метафорой «напрасные хлопоты». Более того, актуализируется старое наблюдение, восходящее к Августину Блаженному: без памяти нет совести. Между тем совесть — одна из скреп, обеспечивающих верность любви, дружбе, долгу, равно как и добросовестность в выполнении общественно-государственных обязанностей любого уровня — от дворника до президента. И отсутствие ее у инициаторов и исполнителей любых цивилизационных (глобальных или локальных) проектов может обернуться последствиями, предотвратить которые в состоянии лишь ценностно ориентированное гражданское воспитание, воспринявшее идеи «экологии культуры».

Без совести нет инициативы творчества. Любая деятельность превращается в ожидание распоряжения и исполнение его по шаблону либо, что сегодня бывает гораздо чаще, лишь в имитацию исполнения. Силы уходят на симуляцию, создание муляжей условного правдоподобия. Имитационная деятельность отнимает время, перенаправляет на «обогрев Космоса» материальные

и духовные ресурсы. И в конечном счете дает эффект, описанный бессмертным афоризмом В. С. Черномырдина: «Хотели как лучше, а получилось как всегда». Бесплодность подобной практики совершенно очевидна.

Апокалиптические сценарии конечных судеб цивилизации довольно обстоятельно представлены в философской и футурологической мысли. Однако не менее востребованы и сценарии их преодоления¹.

Идея направить научно-техническую мысль на разработку моделей преодоления космических и иных природных катастроф, попытаться сосредоточить военные возможности сверхдержав на общечеловеческих интересах взамен стремления «переиграть» друг друга не нова. Но в силу глубокого недоверия, существующего в настоящее время между ними, взаимных геополитических претензий и страхов «обнуления» перспектив роста в выигрыше от попыток их реализации пока что оказываются скорее структуры военно-технического шпионажа (обеспечивающие вполне земные задачи сохранения и по возможности расширения позиций каждой из сверхдержав), чем реальные люди. Сама возможность ядерного столкновения — безусловно, тупиковый вариант, сводящий на нет результаты трудов по крайней мере десятка сменявших друг друга поколений. К сожалению, пока что при возникновении острых ситуаций не находится радикальной альтернативы предельно осторожному «бряцанию» ядерными вооружениями. Нравственная «добротность», сдерживающая от сползания к полномасштабной катастрофе, в данном случае опирается на экологию культуры, транслируемую в обществе механизмами, блокирующими оптимизацию агрессии, не допускающими причинения вреда себе и выбраковывающими те структуры, которые настроены на реализацию подобной оптимизации.

¹ Например, см.: Лихачев Д. С. У нас есть опыт преодоления падения культуры: обсуждение книги «Судьба российской интеллигенции», 3 декабря 1996 г. // Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов / науч. ред. А. С. Запесоцкий. СПб.: СПбГУП, 2006. С. 48–49; Силантьева М. В. Апокалипсизм в русской культуре: переключки веков // Вестник славянских культур. 2008. Т. IX, № 1–2. С. 106–112; Глаголев В. С. Величие России: основания, иллюзии и реалии // Философия хозяйства. 2006. № 1 (43). С. 101–106, и др.